



1996 №3

"В начале жизни школу помню я..."

Это имя и так мало похоже на настоящее, и никого нет, кто приходился бы кем-нибудь Хэдди Лук. А Вы, Хэдди, простите меня, если Вы еще живы, и я Вас тревожу. Их-то дело такое, что от него не оторвешь. А наши дела, как карточный домик, и падают, чуть кто-нибудь вспомнит про нас, и может, Вы в своей Калифорнии подумаете: Да, на нынешний день придется махнуть рукой. Что-то в нем сломалось.

- Вы, Хэдди, всегда в этом разбирались, Вы так музыкальны. Ничего, все поправится, я скоро снова забуду Вас, и Вы займитесь своими делами в Калифорнии.

Других страшно вспомнить, но Хэдди, Хэдди достойна лучших на свете поминок: ветра на карусели и золотых стихов Гафиза:

Иосиф потерянный снова придет в Ханаан, не горюй.  
В Египте они думают, что главное происходит с ними, а там-то, там...  
О ты не вернешься, душа моя, о Хэдди, Лук! Just look, Хэдди, at my hands! У меня в руках оранжевый трос. Вы помните, Хэдди, как Вы жили в нашем Египте домработницей. Хотя, конечно, вспоминать не Ваше дело, Ваше - все забыть сразу же, как никто не умеет. Конечно, не Вы одна. Вот этот трос мне продали на лестнице за 30 копеек: "Трос покойного Хэмингуэя, не горит и не тонет, длина 10 метров; виден в темноте".

Скучно жить в Египте, правда? Хотется продать кому-нибудь трос, испечь шарлотку.

Случайность - Ваше имя, равнодушная благожелательность, Большево с акцентом, книга на поляне под дождем. Существование ткань сквозная, видный в темноте трос, водонос дырявый, животных пузырь надутый, к небу летящий голубь. Что еще было там, так похоже на Вас? "Ничего из сих не предпринимал Кона брат Диогенов" - my dear, ничего. Главное - не предпринимать. Первым, вторым, третьим быть не нужно. Раздели всех на три - говорила Хэдди - иди во второй трети - и там-то, в середине, там-то и случается музыка, там проходит рябь никому не нужных событий. Так говорили Вы, так и должна была говорить случайность. Там, среди первых-вторых-третьих, она тянет какие-то жребии, вертит какие-то колеса с завязанными глазами. А у нас она улыбается, достает из чемодана медный таз и мандолину и поет песню на английском языке.

Если жизнь есть тень, то скажите мне, что тени сновидение? Тени сновидение - Хэдди Лук, вдова трех фабрикантов, московская домработница и моя учительница, спит на коврике после короткого запоя.

Снилось мне, Хэдди, что из Калифорнии приехал поэт Бродский покататься на трамвае, а меня послали в Париж. В Париже повсюду деревни в снегу и ночь, и видно далеко вокруг. Видно, как в Киеве стоит столп-воронка, и в воздухе написано: "жизненный опыт". Стоит она против Софии, винтовая лестница притяжения, воздушный эскалатор. В городе воскресение, все гуляют с детьми, дети несут аккордеоны и скрипки в футлярах, а другие скрипки и аккордеоны играют в воздухе. Все входят в столп-воронку, и делаются невидимыми, и нет слов, как это печально. Одним шагом и одной ступеней достигнешь ты вечности, но смотри, чтобы верно ты стал.

Хэдди встала с коврика и быстро пришла в себя. Первым, вторым, третьим к лицу безумие, а все случайное, иностранное, все самое чужое на свете, все извиняющееся за то, что еще не кончилось, не вернулось в свой Ханаан, как снег в сентябрь, - одним словом, все, что случается в середине - респектабельно и разумно. Хэдди, румяная, седая и кареглазая, между шарлотками и запоями одетая, как ученица дама. Нужно признаться, что ее белоснежная и разумная блузка ровно настолько шелковая, насколько это видно. Дальше виден темный жилет. Но только безумец и нувориши скажет, что нужно больше или меньше шелка. Не для себя же мы одеваемся, не для себя же мы румяны и кареглазы - для этого Египта. И если Хэдди своей комбинированной блузкой пускает ему пыль в глаза, то потому, что хорошо в них нагляделась, и эта пыль - первое оптическое изобретение Египта, иначе он не видит, он подспеловат и патриотичен, он не изучает чужих языков и не может разгадать собственных сновидений.

В нашем деле тоже нужна система - говорила Хэдди. - Чувство меры и common sense есть основа нашей жизни, есть ее канва для вышивания, есть ее артезианский колодец внутрь.

И тот, кто сделает низкие выводы из комбинированной блузки, изо всего, что у Хэдди is not to be seen - бесконечно ошибется. "Последние" так же ненавистны Хэдди, как "первый-второй-третий". Это они носят воротнички на голое тело, они пьют жидкую чай и плохой кофе, это они откладывают на черный день - и черный день всегда с ними, в первый же момент, как на него откладывают. Это они "отчужденные", они, кто различает "пока" и "потом". Вот где тьма египетская, египетский Египет,

## ПРОЗА "ЦИРКА ОДИН"

никого в Египте не видящий. И как они рыдают, если кто-нибудь их бросит в их вечном "пока", в их черном дне, в их безобразии и тоске. Они отчужденные, а Хэдди просто чужая. И Хэддин кофе золотит своим духом наш хмурый день, роет душистые пещеры Бразилии в скучной мебели, и в чемодане у Хэдди мандолина, медный таз и вышивальные принадлежности.

Хэдди не любит тоску и безумие, вот музыка - это для нее подходит. Особенно нам нравилась соната для мандолины Бетховена. Конечно, в ней есть что-то от первых, вторых, третьих, но если уметь исполнять, это пройдет. Они много о себе воображают - "Дионис, выжимающий гроздь для людей", ревматические боли души, Смерть Изольды, Квартет на конец света! - На струнах и клавишах, на гуслях и псалтырях, на вечной своей мандолине играет Хэдди Лук. Голубка дряхлая, случайность в середине. Выше и ниже музыка молчит. В Ханаане арфы повесили на ветки, там плачут по другу фараонову, удачливому разгадчику снов.

И как же, Хэдди, как же не разгадать? Конечно, раз на раз не приходится, но и выбор не велик: о чем говорит сонник? О болезни и женитьбе, о голоде и братстве - о тебе, Хэдди. Жизнь есть лист стеклянный весьма тонкий, яблоко золотое внутри гнилости исполненное, Калифорния, Венеция, Хорошевское шоссе, жизнь есть река в алмаз впадающая, семья полковника, чаепитие у мандарина, жадное прощание, вишневая шаль, соната для мандолины.

Что бы я делала без Вас, Хэдди? Я не знала ни одного иностранного слова, и какие сны мне снились, какие сны. Без разумного отгадчика можно было решить, что нужно спасать какие-то города от сфинксов, выводить узников из темниц, выходить навстречу белокурому всаднику с копьем на красном коне.

Издалека его глаза кажутся темными, но вблизи они - как небо перед дождем. Хэдди, какие видения выстраивала, лепила и барабанила на фортельяно моя захолустная жизнь. Но ты гостья, ты гостья из середины, из столицы, ты лучше их и подскажешь мне, что с ними делать.

Нужно спасать одно - сказала Хэдди - здравый смысл и чувство меры. Это оно, чувство меры, похоже на те чудесные глаза, на твой любимый топаз из Индии, совершенно темный и совершенно прозрачный. Нужно подтянуть ослабевшие струны Ананки, а играть буду я. Мир есть Египет, и нет греха хуже гордыни. Первым-вторым-третьим видно что-то впереди, а ты гляди только, что впереди идут и сзади идут, и если ты остановишься, музыка кончится.

В Калифорнии есть, конечно, театр абсурда. Но никому я не поверю, Хэдди, что жизнь есть театр. Жизнь - Вы говорили - есть бесконечно Искреннее. В Уругвае, в Эстонии, где я была замужем, и куда я от вас уеду, тем более. Искреннее - но не о себе. Нет, я вижу тебя не своими глазами, а вечным желанием жизни, упованьем ее и терпением и пеньем ее о

другом - о, всегда о другом...

Хэдди, какая печаль, какая тьма египетская стоит у нас. Я пью твой черный кофе, он пахнет, как будто кругом мороз, и я думаю, что только ты полюбила бы оранжевый трос покойного Хэмингуэя. Ты подняла бы на нем какой-нибудь вымпел в честь начала дачного сезона, или мы сделали бы качели и ничего не предпринимали. Мы просто спали бы до вечера, а качели качались. А другие! - я никогда не узнаю, что они хотят со мной сделать, а они всегда чего-то хотят, и еще иногда жалеют меня, Хэдди!

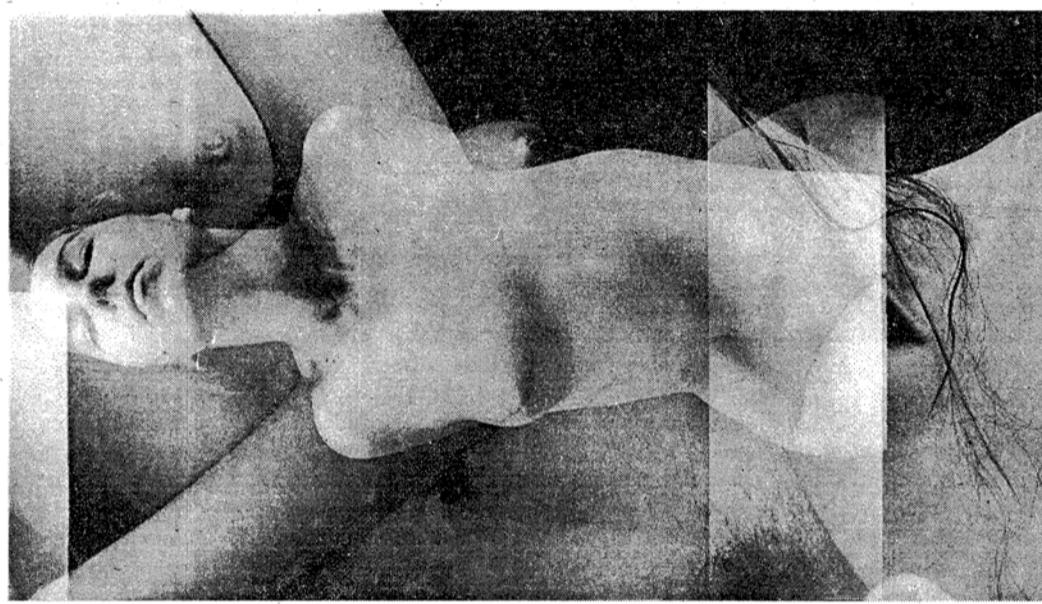
Я довольна своей жизнью - говорила Хэдди - я с ней согласна. - Если бы она лучше знала наш язык, она осмелилась бы сказать: "я ей согласна, согласна". Как она, я иногда, как она, я кажусь им их домработницей, и они думают, что главное происходит с ними, и выгоняют меня.

И вот что - сказала Хэдди не знаю на каком языке - неправильно делают первые-вторые-третьи, они ошибаются вот в чем: они думают, что все разгадывается одним словом. Знаешь, какое слово ответил царь фиванский этому сфинксу? Не все разгадывается перечислением. В Египте гораздо лучше, чем в колодце. - Вот патриотизма Хэдди не воспитывала, из-за этого ее и выгнали. Она воспитывала патриотизм к Калифорнии, где лежит и ждет ее дочь-калаека сорока лет, и куда Хэдди не вернется.

Ты не будешь счастлива - обещала мне Хэдди. - Тебе хочется, чтобы я к ней вернулась, чтобы убрала дом скорби расцветшими розами. Есть у вас привычка жалеть тех, кого не для того такими сделали, чтобы их жалели. Удивление и почтительность - вот для чего они такие, и мы их такими видим. И не подходим близко.

Не подходи близко к несчастным и тяжелобольным - говорила Хэдди. - Дело даже не в том, что тебе нечего им дать. У них нет системы, нет чувства меры, они совершенно не музыкальны. Вот моя мандолина, себя не жалко, а ее жалко - что они там такое придумали, чтобы ее устыдить и заставить молчать - ее, согласную на все! Несчастье и уродство поневоле делают первыми-вторыми-третьими - теми, кто разгадывает любую загадку одним словом: "Я". - а мы, Хэдди, мы никто и не будем несчастны, мы только большой список перечислений друг о друге, друг другу чужие, как сама себе чужая середина в египетском платье, - Хэдди, одежда единственная, разумно придуманная, рыбачка пыльное чучело, проклонутая скорлупа, вавилонское сновидение, тьмы египетской просияние, вечерняя скука, юности надежда, зимняя дорога, роза на снегу, сновидение сновидений с помощью Божией, благочестивая Хэдди Лук, изящнейшее дело.

## ОЛЬГА СЕДАКОВА



С.Осмачкина. Из цикла "Материя". Композиция № 64, 1995.

## ХЭДДИ ЛУК